

Николаева Александра
Васильевна

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Она может часами рассказывать о своих замыслах. Перед единственным слушателем зрителем может несколько раз протанцевать всю постановку и за героев, и за солистов, и за кордебалет. Напеваая отрывки из выбранной музыки, показывая сочиненные на них движения, она тут же горячо и взволнованно объясняет: «Когда зазвучат фанфары, надо, чтобы вся масса людей шла вперед каким-то одним, яростным движением. Каким точно, я пока еще не знаю. Надо подумать. Может, как-нибудь так...».

И опять бесконечная цепь движений, проб, поисков, в которых так ошутимо бьется неуемная, неукротимая творческая энергия.

Кто-то сказал однажды об обреченности настоящего поэта на стихи. Очевидно, эти слова можно отнести ко всем подлинным художникам в искусстве. Именно так «обречена» на танец и народная артистка БССР

Александра Васильевна Николаева.

Танец — средство ее самовыражения. В хореографическом искусстве для нее сконцентрировалось многое из того, что мы обычно привыкли как-то разделять: работа, личная жизнь, увлечения.

Так получилось, что именно Александра Васильевна впервые знакомила автора этих строк с миром балета. Таких, каким она сама его знала. Необятный и в то же время всеобъемлющий мир! Балет для Александры Васильевны одна, но поистине пламенная страсть. Она могла неделями — изо дня в день, час за часом — готовиться к выступлению; без устали репетировать, терпеливо унижать блестящими волнистыми километры юбок, быть сосредоточенной, одна, правленной и даже аскетичной в быту, чтобы потом за несколько часов, а то и несколько минут пребывания на сцене сжечь все, накопленное в огне неистового творческого темперамента.

Не удивительно, что

танец А. Николаевой обладал, пользуясь известным выражением М. Светлова, «инфекционным» свойством. Он действительно заражал зрителей эмоциональным зарядом, будь это опьяняющая жизнерадостность или глубокая печаль. «Когда в финале третьего акта Зоська, разлученная с любимым, потерявшая надежду на счастье, придавленная тяжестью горя, медленно, глядя перед собой, идет на авансцену, — писал рецензент спектакля «Соловей», — трепетная волна охватывает зал, и заслуженные аплодисменты срываются не сразу, но лишь после длительной и напряженной тишины. Это те минуты вдохновения, которые подготавливаются художником огромной напряженной работой».

Балерина наполняла и переполняла роли своей человеческой личностью, и трудно даже сказать, какая из сценических жизней ее героинь была по характеру ближе индивидуальности самой

Николаевой. Она с упоением отдавалась превращениям судьбы испанской девицы Китри, глубоко переживала трагедию Заремы, наслаждалась холодным фейерверком игры обольстительной Одиллии Коломбиной, лихо, нагло, падкую кокетничала с Арлекином и по-русски целомудренно любила Иванушку.

Артистка с одинаковой убедительностью воплощала совершенно разные характеры. Но была в них все же одна общая черта, единый стержень, проходящий через все роли А. Николаевой. Это огромная духовная активность, солнечность мироощущения.

Не случайно не стало событием в творческой жизни балерины исполнение ею роли Одетты, не случайно в ее репертуаре отсутствовали такие партии, как Жизель, Сильфида, Эсмеральда. Причины этого кроются не в превращениях творческой судьбы актрисы А. Николаевой, просто чужды, а потому и мало

интересны созерцательная скорбь Одетты, умилительность Жизели, отрешенность Сильфиды, робость протеста и беспомощность Эсмеральды. Героини Николаевой просто не умели быть жертвами. Данке погибая, они боролись, утверждали, торжествовали.

Все сказанное совсем, конечно, не означает, что в палитре балерины отсутствовали лирические тона. Ею созданы глубокие лирические образы Зоськи в «Соловье» и Надейки в «Князь-озере», за который А. Николаева была присуждена Государственная премия. Просто танцовщице не свойственны холодная отрешенность, безысходная скорбь. Ее лирика теплая, земная, и даже в моменты печали она, как река подо льдом, всегда таит в себе живые струи. Струя радости, весеннего возрождения.

Балерина всегда старалась избежать и той «голубиной» балетной партии, которая так часто становится равнозначной

понятию одноцветности. Самую «голубую» роль она умела делать многокрасочной, находя в ее драматургии возможности для контрастирования и позволяя рецензентам писать об одном и том же образе в ее интерпретации: «сильная, самоотверженная, способная на борьбу» и «нежная, весенняя, как та березка».

Человечностью создаваемых характеров, простотой манеры, подлинной близостью к народной близостью к национальной хореографии традиции, которые живут и поныне. В реалистическом образе белоруски, созданном на нашей сцене, немало черт принадлежит балерине, творения которой Зоська и Надейка открыли шестиве белорусских девчат по балетным сценам страны.

Вообще надо сказать, что в лице Александры Васильевны белорусская хореография нашла своего неустанного пропагандиста. В десятках городов и сел Советского Союза она выступала с концертами и спектакля-

ми, а в годы войны — во фронтовых бригадах. Много лет подряд она была художественным руководителем хореографического училища, воспитывала национальные балетные кадры. Тридцатипятилетняя творческая деятельность народной артистки не раз отмечалась правительственными наградами.

Время не погасило творческого огня, не ослабило духовной энергии танцовщицы. По-прежнему она не видит своей жизни без балета. И на уроках в хореографическом училище, и на занятиях в студии классического танца Александра Васильевна с прежним запалом и юношеским безрассудством может вдруг загореться какой-либо новой темой, постановкой, исполнителем. Тогда она способна даже не замечать всех их несовершенств. И ее можно понять. Ведь перед ее глазами стоит тогда сам танец — всемогущий, совершенный, магически покоряющий. Он живет у нее в крови, на него привычно отзывается каждый мускул тела, и как жрица божеству, ему поклоняется, им восхищается балерина.

Юлия ЧУРКО.